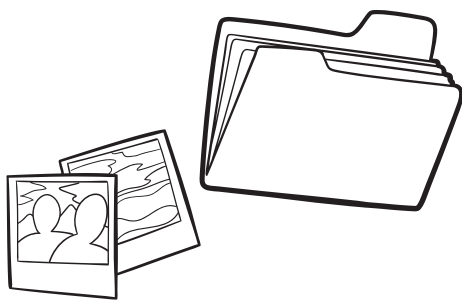

Читайте в серии
«Романтика со вкусом времен года.
Яркие сборники о любви»:

Любовь со вкусом лета
Любовь не без улик

Продолжение следует...

Любовь
не без улик

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л93

Иллюстрация на обложке *Chinchilka*
Художественное оформление *Алена Шорохова*

Любовь не без улик : [сборник]. — Москва : Эксмо,
Л93 2026. — 480 с. — (Румперия. Романтика со вкусом. Сборники об искренних чувствах).

ISBN 978-5-04-235672-8

ТРИ ДЕТЕКТИВНЫХ РАССКАЗА О ТАЙНАХ И ЛЮБВИ.

Если вы ищете легкие детективные истории с захватывающим сюжетом и яркой романтической линией, то эти истории для вас!

Давние соперники в стенах закрытой школы вынуждены сплотиться, чтобы найти пропавшую реликвию известного художника, которая, по слухам, способна навлечь проклятие.

Таинственная незнакомка со старинного фото проведет вас по улочкам Петербурга.

А в солнечном Сочи разыграется драма, достойная Агаты Кристи.

Этот сборник идеален, когда хочется забыть обо всем и погрузиться в детективное расследование, где за беззаботной атмосферой скрываются странные совпадения, исчезновения, недосказанности и чувства, которые невозможно игнорировать.

Настя Ненастьева, Сана Эванс и Евгения Кретова — их истории скрасят ваши дни, подарят тепло и уют!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235672-8

© Евгения Кретова, Настя Ненастьева,
Сана Эванс, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Коллекция теней

Летний Петербург просыпается иначе, чем другие города. Не как Москва: быстро, резко, с многочисленными пробками, вечно мигающими сигналами светофоров, спешащими людьми и ощущением, что ты уже опаздываешь, даже если только открыл глаза. Не как Сочи: размеренно и лениво, под крики чаек и шум моря, под свежесваренный кофе и неспешную прогулку по набережной. Не как Архангельск: по-северному строго, с прохладным июньским утром, резким ветром и ясным пониманием, что день требует собранности с первой минуты.

А по-своему. Белая ночь медленно отступает, не исчезая сразу, а будто сдавая позиции: свет становится ярче, а тени мягче. Город не просыпается резко, он просто меняет интонацию.

Набережные и мосты еще пустые. Можно остановиться посреди улицы и не оглядываться по сторонам, не уворачиваться от людей с поднятыми телефонами, которым обязательно нужно успеть запечатлеть все и сразу. Петербург в этот час не позирует и не торопится — он существует для тех, кто вышел слишком рано или вовсе не ложился спать.

А прямо сейчас он существовал будто только для одной Юли Синицы.

Юля стояла на Банковском мосту, вооружившись небольшим складным мольбертом с бумагой и парой коротких карандашей, из-под которых вышел уже не один десяток рисунков. Краски она с собой не брала — утро не терпело медлительности. Под грифелем появлялись очертания канала, чугунные перила, тяжелые фигуры грифонов, которые в это время суток выглядели особенно серьезными, словно и правда что-то охраняли.

Юля почти не задумывалась о каждом штрихе, потому что набитая рука сама уже знала, что нужно делать, совсем как у музыканта, который, даже если не брал несколько лет инструмент в руки и забыл ноты, все равно воспроизведет мелодию, которую играл когда-то. Она делала паузы только для того, чтобы сравнить рисунок с тем, что видела перед собой: прищуривалась, проверяла пропорции, убирала лишнее и... удовлетворенно кивала.

Юля любила работать в такое раннее время, даже несмотря на то что жила за городом, в Пушкине. С наступлением лета, которое выдалось в этом году на редкость теплым, почти каждый день Юля ездила в Петербург на электричке. Точнее, нет, не так. Сначала на первом автобусе до ж/д станции, потом — на дергающейся и трясущейся электричке до Витебского вокзала, а после еще и на метро до нужной ей точки. Но все эти дорожные «прелести» перекрывали незабываемое ощущение, что Петербург принадлежит только ей. Пока туристы спят, пока улицы по-

лупустые и город не стал просто фоном для чужих фотографий, пока он позволял себя рассматривать и рисовать. И Юля этим пользовалась.

Юля рисовала с детства и сейчас училась в художественном колледже. Получалось у нее хорошо, хотя она никогда не считала себя вторым Брюлловым или Шишкиным. Она скептически относилась к таким сравнениям: техника, по ее мнению, совершенствуется всю жизнь, а стиль — это то, что вырабатываешь постепенно, через постоянные эксперименты, наблюдения и работу над собственными привычками. И если в итоге кто-то видит в этом что-то свое — значит, все не зря.

Выросла Юля с бабушкой. Той самой бабушкой, которых иногда встречаешь на улицах культурной столицы и невольно оборачиваешься: ровная осанка, винтажная сумка, красивая брошь, выглаженное платье, а на пальцах — перстни. Ощущение, будто она идет не в магазин, а на царский прием.

В молодости бабушка Юли занималась реставрацией старинных тканей и костюмов — делом красивым, тонким и совершенно неприбыльным. Она могла часами говорить о швах, фактурах и том, как ткань «помнит руки», но зарабатывать на этом не умела. А после начала массового производства ее профессия и вовсе стала невостребованной.

После аварии, в которой погибли мама и отчим Юли, когда та училась в старших классах, выяснилось, что вместе с квартирой на Петроградке в наследство остались еще и долги. Не катастрофические, но вполне ощутимые: кредиты и микрозаймы,

оформленные «на развитие», и неудачная попытка открыть маленький бизнес, который так и не взлетел. Бабушке пришлось продать квартиру в центре, закрыть все обязательства и переехать с внучкой в жилье поменьше в Пушкин, за город. Она, коренная петербурженка, ни разу не назвала это жертвой. Хотя Юля понимала: для бабушки этот переезд был прощанием с привычной жизнью, с маршрутом «дом — набережная — театр», с городом, в котором она прожила жизнь.

Несмотря на то что сама бабушка так и не смогла прилично заработать на искусстве, она всегда поддерживала Юлю в мечте стать художником. Говорила, что искусство нужно не для дохода, а для того, чтобы человек не переставал замечать мир вокруг — видеть детали, чувствовать ритм, находить красоту в обычных вещах. Без этого, по ее словам, жизнь становится плоской и однообразной. И Юля запомнила эти слова лучше любых наставлений. Лучше быть бедным художником, чем богачом, но слепым к красоте мира.

Наверное, поэтому она и не ленилась вставать так рано и ехать на перекладных в город, потому что иначе она просто не могла.

И все же была еще одна весомая причина ездить в Питер.

— Если честно, я бы даже обиделся, если бы тебя здесь не оказалось!

Юля вздрогнула, улыбнулась и обернулась. У перил стоял Егор с неизменной камерой на шее.

— Я так и знал, — продолжил он, не дожидаясь ответа. — Банковский мост, раннее утро, грифоны.

Ты слишком предсказуема, Синица. Хорошо, что я снимаю комнату здесь рядом.

— Я вообще-то тебя не слышала. Ты подкрался! Совсем как маньяк!

Она укоризненно зацокала языком.

— Это не я подкрался, — возразил Егор. — Это ты слишком увлеклась. Очень опасное состояние для художника, когда он один. И когда он — это она, красивая девушка.

Юля заправила прядь медно-рыжих волос за ухо и покачала головой.

— Успокойся. Если что, меня защитят грифоны.

— О, ну, тогда я спокоен, — кивнул Егор. — Они выглядят надежнее полиции.

Юля и Егор учились на одном курсе, но на разных направлениях. Она — на живописи, он — на фотографии. Егор перевелся в колледж в середине года из другого учебного заведения, и Юля заметила его почти сразу на общей лекции. Да и как было не заметить: высокий, светловолосый, с голубыми глазами, задумчивым взглядом и привычкой смотреть на людей так, будто он уже мысленно выстраивает кадр и делает самые крутые фото в их жизни.

При перекличке она узнала, что новенького зовут Егор Руднев. Имя сразу запомнилось. Но подойти и познакомиться она так и не решилась ни в тот день, ни потом, вплоть до зимы.

Ей казалось, что такая девушка, как она, не может быть интересна этому парню. Не потому, что Юля считала себя некрасивой, — внешность ее никогда особенно не волновала, она знала, что привлекатель-

на. Просто она жила иначе: впечатлениями, короткими моментами, случайными деталями, которые цепляли взгляд и не отпускали.

Юля могла остановиться посреди улицы из-за отражения в витрине, трещины на стене или неровной тени от фонаря и подолгу рассматривать ее, пока в голове не появлялось ощущение, что именно в этом есть что-то важное. Фраза «я художник — я так вижу» олицетворяла ее. Юля часто забывала о договоренностях, потому что внезапно замечала что-то действительно интересное и мир вокруг на несколько минут переставал существовать. Она была энергичной, но несобранной; внимательной, но не всегда организованной.

А Егор казался ей другим. Спокойным и сфокусированным человеком, который знает свой маршрут и не сомневается на поворотах. А самое главное — взрослым, в то время как в свою сторону она часто слышала фразочки а-ля «Повзрослей уже».

Окончательно Юля поняла, что влюбилась в Егора, перед зимней сессией. Они стояли в очереди к старому кофейному автомату. Тот не выдал стаканчик, и кофе полился прямо на поддон. Егор обреченно вздохнул и выдал что-то неожиданно смешное про «экзистенциальную ценность дешевого растворимого кофе», и Юля не смогла удержаться от смеха и почти сразу утонула в его глазах.

Художница и фотограф быстро подружились. Сидели рядом на общих парах, гуляли по городу после занятий, искали места, которые хотелось либо снять, либо зарисовать. Но Егор не говорил о чув-

ствах, а первой Юля — будь неладно это девичье «парень должен первым» — признаваться не решалась. Она слишком хорошо знала, как легко можно разрушить то, что уже есть, если назвать вещи вслух. В старших классах школы она обожглась дважды и больше что-то не хотелось.

Егор всегда находил для нее время, помнил о всяких мелочах и появлялся рядом именно тогда, когда она его не ждала. Или, наоборот, ждала. Но ни разу не было ни намека, ни двусмысленного взгляда, ни случайного прикосновения, которое можно было бы расценить иначе.

И со временем Юля смирилась с мыслью, что именно так все и останется, хоть ее бабуля и говорила, что «дружба между мужчиной и женщиной — это любовь, которой не дали вырасти».

— Готовишься к выставке?

Егор подошел ближе и заглянул в мольберт. До открытия оставалось меньше месяца: в Севкабель Порту готовили летнюю студенческую выставку — совместный проект колледжа и одного из кураторов площадки. Работы будут отбирать внимательно, и каждый студент понимал: это не просто учебная галочка, это шанс показать себя вне стен мастерских колледжа.

— Ага. Как думаешь, грифоны впечатлят зрителей?

Егор задумался, и по выражению его лица Юля сразу все поняла и нахмурилась.

— Эй, ты чего, я же ничего не сказал!

— И без того все видно.

Юля резким движением провела карандашом по наброску. Для выставки в Севкабель Порту ей хо-

телось изобразить Петербург другим: не парадным и сувенирным, а неочевидным и живым. И сейчас она поняла, что грифоны слишком очевидны, хоть и красивы.

С кислым видом она смотрела на перечеркнутый лист и уже сожалела, что испортила довольно неплохой рисунок.

— А знаешь что? — спросил Егор.

— Что? — Юля подняла на него взгляд. Раздражение еще не успело пройти, но любопытство оказалось сильнее. Она хорошо помнила: если Егор начинал так, значит, в голове у него сложилось что-то разумное. Сумасбродные идеи ему были несвойственны, и его «а знаешь что» почти всегда означало выход.

Егор слегка улыбнулся.

— Первая выставка должна запомниться. Не только тебе, но и вообще всем. А для этого не нужно рисовать то, что и так изображено на каждом магните.

Он кивнул на мольберт.

— Грифоны никуда не денутся. Но если ты хочешь покорить зрителей, давай найдем незаезженный Петербург.

Юля улыбнулась в ответ. Егор шагнул ближе и обнял ее за плечи. На секунду ей показалось, что она слышит, как часто забилося в груди его сердце, но умом Юля понимала, что ей просто хотелось, чтобы это было так. Его клетчатая рубашка, надетая поверх белой футболки, была теплой и пахла утренним кофе — Егор предпочитал варить дома молотый

в турке. Юля автоматически придвинулась ближе и позволила себе опереться на его плечо, отпуская раздражение и обиду на собственные эмоции, в порыве которых пострадала ее работа.

Рядом с Егором ей стало удивительно уютно. Она поймала себя на мысли, что стоит на мосту в самом красивом городе в мире — в Петербурге, который только начинал дышать и просыпаться, — и рядом человек, с которым все кажется простым и легким.

Юля посмотрела вниз, на воду канала Грибоедова. В ней отражались фасады домов, темные окна, кованые перила моста и золотые крылья грифонов, чуть искаженные рябью. Город в отражении выглядел мягче и тише, словно не совсем настоящий.

Егор отстранился и прищурился.

— Ну-ка замри, — скомандовал он и потянулся к камере, привычным движением снимая ее с шеи.

Юля послушно отошла на шаг и гордо задрала подбородок. Ей льстила сама мысль о том, что у Егора будут ее фотографии. И не важно, что они просто друзья.

Порыв ветра взъерошил ее рыжие кудри, и Юля машинально откинула волосы назад, стараясь выглядеть непринужденно и не позировать. Егор уже поднес камеру к глазам, но вдруг замер.

— Вот блин... — Он опустил фотоаппарат. — Флешку не вставил. Вчера снимал заказ, вытащил и оставил в ноуте. А я же еще и в городе хотел сегодня кадры интересные отснять...

Юля сочувственно вздохнула.

— Значит, не судьба?

